

ЛУЧШАЯ
КРИМИНАЛЬНАЯ
ДРАМА

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МЕНТ В ЗАКОНЕ
ОДИНОЧЕСТВО ВОЛКА

МОСКВА
2019

УДК821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Мент в законе. Одиночество волка / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Колычев. Любовь зла и коварна).

ISBN 978-5-04-099610-0

Автор-сила, автор-любовь, автор-ностальгия — по временам, когда миром правили крутые понятия и настоящие мужики. Увлекательные криминальные романы для всех возрастов. Суммарный тираж книг автора — более 12 миллионов экземпляров.

В зените бандитской славы у заклятых друзей Сафрона и Пантелея было все: деньги, авторитет, надежные бригады, своя территория... Не могли они только поделить красавицу Марину — больно гордая да самостоятельная оказалась. Даже на долю в их бизнесе не согласилась, мол, своих денег хватает. Но вот кто-то ограбил Марину, и у авторитетов появился повод наехать друг на друга с обвинениями. Неизвестно, каких размахов достигла бы новая бандитская война, если бы в дело не вмешался суровый опер Степан Круча. А у него строгие понятия, с таким шутки плохи. Тогда-то и решили братки: чтобы остаться на плаву, придется пожертвовать самым дорогим, что у них есть...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099610-0

© Колычев В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Глава 1

Ситуация, как в анекдоте. Возвращается жена из отпуска, а муж с любовницей. А если точнее, то с проституткой. А если еще точнее, то без нее. Вообще-то проститутка была, но к моменту, когда появилась жена, исчезла. Усыпила мужика, обчистила квартиру, и привет. Всю наличность из закладки вытащила. А это, если верить жене, две тысячи долларов.

Раннее утро, рассветный час, город еще спит, даже дворники тротуары не метут. Впрочем, свидетели Степану не нужны. Потерпевшего растормошили, он пообещал явиться в отделение и составить портрет подозреваемой. Эксперт снял пальчики с тех предметов, к которым она прикасалась. А отпечатки были, клофелинщица не догадалась их стереть. Это при том, что на фужере, из которого она пила, не было даже намека на губную помаду. Наверное, эта дама вымыла бокал и дала подержаться за него потерпевшему. Чтобы криминалисты не скучали. Преступники — народ веселый.

— Я тут недавно фильм смотрел, «Иван Васильевич меняет профессию», — сказал Степан Круча.

Эксперт собрал свой волшебный чемоданчик. Работа сделана, можно уходить.

— Храните деньги в сберегательной кассе, не так ли? — проговорил Матвеич и совсем не весело улыбнулся.

— Издеваетесь? — глянув на спящего мужа, возмущенно протянула дебелая блондинка. — Мы на машину, можно сказать, всю жизнь копили! И где теперь эти деньги?.. В сберкассе сгорели!

— Инфляция, — сказал Степан и развел руками.

— Хамство!

— Да вы не переживайте. Ваучеры ваши преступница не тронула, а одна такая бумага — это две «Волги».

— Потому она их и не тронула, что ваучеры ваши — дерьмо!

Степан пожал плечами. Он тоже так считал, но кто-то думал иначе. Находились дельцы, которые скупали ваучеры у населения в надежде приватизировать целые предприятия. Надо думать, что вряд ли эта надежда была тщетной. В стране происходили удивительные истории.

— Мы пойдем, — сказал Степан и открыл дверь.

Спать хотелось жутко. Завалиться бы сейчас на диван в своем кабинете и дожать часок, пока рабочая суета не закрутила.

— А как же деньги?

— Найдем. Чем раньше ваш муж даст описание преступницы, тем быстрее мы их разыщем.

— Я сама его приведу! — оперев руки в бока, сердито сказала женщина.

— Живого? — с усмешкой спросил Матвеич.

— Но кастрированного, — тихо сказал Степан.

Вдруг потерпевшая услышит и воспримет это как руководство к действию?

Поспать Степану не удалось. В отделении, в камере предварительного заключения, произошла драка. Одна дама легкого поведения избивала другую. Да не просто избивала, а сорвала с нее всю одежду. Степан велел доставить зачинщицу к себе в кабинет.

Люба Карасева была еще той штучкой. Две судимости, и обе за кражу. Два преступления, один сценарий. Карасева снимала мужчину, спаивала его, усыпляла, а потом обчищала карманы. В одном случае она отмотала три года, в другом — два. Ей еще не было тридцати, но неволя наложила на нее свой отпечаток. Она выглядела чуть старше своих лет.

Сейчас вид у нее был похмельный. Волосы растрепаны, на щеке царапина, воротник кофточки надорван.

Ребята из ППС на улице сегодня ночью ее подобрали. Она на остановке спала. Разулась, легла на лавочку, подложила туфли под ушко и баю-бай. Как будто так и надо.

Вид у нее прожженный, но вовсе не отталкивающий. Волосы светло-русые, густые, ровные, голубые глаза, не лишенные изящества черты лица. Да и одета она была неплохо. Модная кофточка, новые джинсы в обтяжку, туфли не из самых дешевых. Успела прибахлиться после крайней отсидки. Наверняка обула кого-то.

В июне светает рано, еще шести утра нет, а солнце уже всю стучится в окно. Но сегодня пасмурно, небо в тучах, ветер без дождя, но прохладный. Горячий кофе будет в самый раз.

Степан не поленился, приготовил чашку и для Карасевой.

— Спасибо, — без всяких ужимок поблагодарила она и так же спокойно глянула на пачку сигарет.

Степан Круча кивнул и предложил даме угощаться.

— Люба, что-то ты на себя сегодня не похожа, — сказал он, усмехнулся и щелкнул зажигалкой.

— Сама себе удивляюсь.

— Прямо сама скромность.

Люба глянула на него удивленно, с какой-то мрачной иронией. Но ничего не сказала.

— Чего вы там с Сойковой не поделили?

— Ну, погорячилась я.

— И все?

— А что еще?

— Шалавой бы ее назвала для приличия.

— Зачем называть? И так ясно, что шалава. Пальцы передо мной выкидывать начала. Марамойка!

— А марамойка должна ходить голой?

— На то она и марамойка! — раззуделась Люба.

— Ну вот! — Степан улыбнулся. — А то я уже засыпать стал со скуки.

— Ну да, устроили мы балаган, — проговорила Карасева и с унылой усмешкой глянула на него. — Самой от себя противно.

— А на скамейке спать не противно?

— Ну, перебрала вчера. Не рассчитала. Бывает иногда. — Карасева вздохнула, глянув в сторону.

— С кем перебрала?

— С мужем.

— Мужа спать отправила, а сама гулять пошла.

— Да не знаю. Остался он где-то. Может, дома уже?.. Позвонить можно?

Степан кивнул, передвинул телефонный аппарат поближе к Карасевой, подал ей трубку.

Она быстро набрала номер. Ответили ей почти сразу.

— Леня, это я. Где-где?.. Да, почти угадал! В обезьяннике я у ментов. Нет, ничего серьезного не натворила. А что ты сможешь сделать? Ты что, депутат? Дома сиди, сама подъеду. Все, пока!

Люба положила трубку и вопросительно, с надеждой глянула на Степана. Она же действительно ничего серьезного не натворила. Да, драка была, одежду чужую испортила малость, но ведь за это не сажают. К тому же Сойкова первая начала.

— Кто такой Леня? — спросил Степан.

— Мой муж. Гражданский. У нас все очень серьезно. Это вчера на нас что-то нашло. Он сам виноват, не надо было меня веселить, — проговорила Люба и нахмурила брови.

— Где он тебя веселил?

— Ну так друзья у него. Я когда поняла, что напиваюсь, поднялась и ушла. Леня и не заметил.

— Зачем ушла?

— Да чтобы не позориться. Он парень серьезный.

— Чем занимается?

— Ну, не ворует же. Сварщик он у меня. Мастер — золотые руки, — немного подумав, сказала Карасева.

— Две золотые руки, а третья — золотая ручка, да?

— Я завязала. Неужели не ясно?

— Сегодня квартиру на Первомайской выставили. Клофелинщица работала. Если бы ты в аквариуме у нас не была, то я бы на тебя подумал.

— Я же сказала, что в завязке! — разволновалась Карасева.

— А если нет, то с кем работаешь?

Карасеву приняли в начале первого, а гражданин Кучерков, который потерпевший, уснул в районе двух. Только после этого там, в его квартире, все и началось. Нет, не могла Карасева обчистить квартиру. А вдруг у нее подельница есть?.. Ведь напиться и уснуть Люба могла для отвода глаз.

— Да не работаю я! Ты у Лени спроси! Он тебе скажет!

— С Ленией придется повременить, — сказал Степан и качнул головой. — Побудешь пока у нас, до выяснения.

— Я ведь понимаю. — Судя по выражению ее лица, Карасева заставила себя поразмыслить и смогла правильно оценить свое положение. — Мне от моего прошлого так просто не отмыться. Но я реально в завязке.

— Разберемся.

— И подельницы у меня нет. Ты разбирайся, я подожду. Только этим своим скажи, что я не какая-то там!.. А то лезут с намеками. Я им на флейте играть не буду!

— Филармония закрыта, — сказал Степан.

Страна на распутье, общество, некогда советское, оскотинивается не по дням, а по часам. Разумеется, милицию эти смутные веяния не обошли стороной. Козлов поганых хватает и здесь. Тут главное, вове-

мя давать им по рогам, чтобы они не совали их куда ни попадя. Степан не стеснялся ставить на место чересчур умных и наглых персон. Он всего лишь опер, с административным ресурсом у него проблемы, поэтому с ним не шутили. Он ведь мог и в морду дать. Этак вот попросту, от всей души.

Дверь стальная, бронированная. Сафрон хотел нажать на клавишу звонка, но не удержался и ударил в створку кулаком. Звук плотный, быстрый, но глубокий. Да, сталь реальная, такую дверь так просто не взломать. Но ему это уже не нужно. У него есть ключ, отпирающий все замки, — ишак, нагруженный золотом.

Приватизация в стране шла полным ходом. Принцип простой. Кто смел, тот и съел. И схема такая же незатейливая. Провели собрание трудового коллектива, распределили доли между сотрудниками, утвердили устав акционерного общества, вынесли постановление, и вуаля. Если директор не дурак, то львиная доля остается у него, а это — карты в руки. Так вот крупные предприятия и становятся частными.

Были и другие варианты. К примеру, через чиновников. Муниципальная собственность уходила в частные руки стремительным домкратом. Сафрон уже погрел на этом руки, приобрел помещение под ресторан.

Агнесса ему посоветовала заняться недвижимостью. Куй, говорит, железо, пока горячо. При этом она не забывает, что куй может быть горячим и без всякого железа. Ее девочки работают и на панели,

и в массажных салонах, которые открывает Сафрон. Три точки уже, все здесь, в Битово, и это только начало.

Все правильно говорит Агнесса, рэкет и крыши — это всего лишь молоток, чтобы сколотить капитал для бизнеса. Хаос в стране — это та самая мутная водица, из которой можно выловить золотую рыбку. Конечно, в этой же водичке есть шанс нарваться и на акулу, но кто не рискует, тот сглатывает брызги от чужого шампанского.

Агнесса не устает это повторять. Может, потому дела у нее идут лучше некуда. Да и Сафрону грех жаловаться. Бригада у него серьезная, три десятка стволов. Битово под пятой, здесь ему равных нет. Все платят как миленькие.

Был еще и третий вариант с недвижимостью. Застройщик сбывал помещения напрямую, без всяких приватизаций. Именно так он и распродал весь первый этаж в новой «свечке» на Советском проспекте. Место здесь отличное. Заканчивается старая улица, сплошь застроенная красивыми сталинскими пятиэтажками, начинается площадь Свободы, а это роскошные новомодные высотки по кругу. И площадь хороша, и дома в самый цвет.

Народ и в советское время любил здесь погулять, а ресторан был только один. А сейчас уже два. Да и третий на подходе. Люди в Битово живут неплохо. Едва ли не все они зарабатывают деньги в самой Москве, а вот тратят их здесь.

Сафрон уже забросил удочку. В планах у него ночной клуб. Агнесса предлагает открыть еще и казино. А в придачу к нему организовать улицу Красных фо-

нарей. Тогда народ в Битово даже из центра Москвы потянется. Как в Лас-Вегас — со всей Америки.

Нью-Васюки пока еще только в проекте, а первый этаж в свечке Сафрону нужен прямо сейчас. Он уже наложил лапу практически на все. Остались только несколько комнат, которые выкупила некая мадам Ялова. Сафрон решил, что должен поговорить с ней лично. Он бизнесмен авторитетный, она должна была его послушать.

Дверь стальная, бронированная. И, как оказалось, тяжелая. Цепочка с внутренней стороны тоскливо звякнула. Настолько сильно натянула ее дверь, которую открыла красивая женщина лет тридцати. Высокая, стройная, но не хрупкая. Сильная шея, крепкие плечи, не очень широкие, но развитые бедра. Так выглядят женщины, которые всерьез занимаются плаванием.

Однако Ялова впечатляла не только физикой, но и женственностью. Высокие скулы, мягкие, четкие линии лица, точеный носик, чувственный рот. Кожа нежная, гладкая, нет даже намека на морщины. Но возраст легко читался в ее глазах. Там и зрелость, и спокойствие мудрой женщины.

— Я вас слушаю. — Голос густой, низковатый, но звучание приятное, волнующее.

Только вряд ли эта красотка зарабатывала на жизнь сексом по телефону. Слишком дорого она выглядела, чтобы Сафрон мог так подумать всерьез. Тут и косметика, и платье, и драгоценное кольцо.

Только вот с шеи его сорвать не удастся. Женщина нарочно чуть отошла в глубину прихожей, чтобы Сафрон не мог дотянуться до нее. А дверная цепочка не простая, звенья стальные, толстые, такие ника-

кими ножницами по металлу не перекусить. А руку под цепочку лучше не совать. Дверь тяжелая, кромка острая — перережет клешню, как гильотина. Не слабо забаррикадировалась мадам.

— Я Сафрон! — гордо заявил визитер.

Но зрелая красotka даже ухом не повела.

— Марина, — представилась она.

— Меня все здесь знают.

Она кивнула, но ничего не сказала, разглядывала золотую цепь на его шее.

Он, конечно, бизнесмен, тут без вариантов. Но галстука нет. Ворот белой рубашки нараспашку, под ней реальный канат из благородного желтого металла. На пальцах массивные печати.

— Я не местная.

— Откуда?

— Раньше я на Арбате жила.

— Поговорим? — Сафрон кивком показал в глубь квартиры.

— Ну, если очень нужно.

— Да, очень.

— Тут кафе в соседнем здании. Я через десять минут спущусь.

— Это мое кафе. — Сафрон просто обязан был произвести впечатление на эту особу.

Потому он и соврал. Хотя сам себя во лжи не уличил. Кафе принадлежало бывшему директору рынка, но Сафрон уже положил на него глаз. Он очень скоро приберет его к рукам. Лично у него не было никаких сомнений в этом.

— Через десять минут, — сказала Марина, закрывая дверь.

Сафрон пожал плечами. Если он и смог произвести на нее впечатление, то виду она не показала. Но это нисколько не удивительно. Деловая женщина должна уметь держать себя в руках.

Марина появилась минута в минуту. Этим она дала понять, что свидание исключительно деловое. Хотя, глядя на нее, Сафрон совсем не прочь был придать их встрече интимный уклон. Под горку, под горку, и в постель.

Дверь она открывала в платье, а в кафе пришла в джинсах и в рубашечке, на которой была расстегнута только одна верхняя пуговка. Туфли на низком каблуке. Все это, чтобы не распалить воображение собеседника. А может, она, напротив, хотела заинтриговать его и настроить на серьезные отношения.

— Я вас слушаю, — сухо сказала женщина, едва присев.

Сафрон смахнул со стола сигарету, но Марина этого как будто не заметила. Видно, что некурящая.

— Меня не слушать, а любить надо, — сказал он и шелкнул зажигалкой.

Она украдкой вздохнула, опечаленно глядя на него. Не было у нее желания любить такого вот крутого мэна.

— Как отца родного любить, — немного подумав, добавил Сафрон.

Марина промолчала, но глянула на него так, как будто он был немного не в себе.

— Я отец строгий, но справедливый. И если меня любят, обеспечивают мою старость, то я не наказываю, даже помогаю.